

ОТДѢЛЪ НЕОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

РѢЧЬ

предъ панихидою по Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ,
по случаю 200-лѣтія со дня его рожденія.

Благочестивые слушатели! Въ настоящій день мы собрались въ храмъ Божій по особому случаю: сегодня исполняется 200-лѣтіе со дня рожденія одного изъ славныхъ сыновъ нашего отечества—Михаила Васильевича Ломоносова, перваго русскаго ученаго наукъ естественныхъ и словесныхъ. И собрались мы для того, чтобы помолиться объ упокоеніи души раба Божія Михаила.

Вся жизнь Михаила Васильевича представляетъ въ высшей степени поучительную для русскаго человѣка исторію. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ самой низшей и простой средѣ русскаго народа: онъ—сынъ крестьянина—рыбака Архангельской губ., Холмогорскаго уѣзда. Русской грамотѣ онъ научился сначала у матери, которая происходила изъ духовнаго званія, а затѣмъ у своего односельца крестьянина, и съ ранняго возраста пристрастился къ чтенію. Отецъ смотрѣлъ на это занятіе, какъ на пустое время—провожденіе, и поэтому Ломоносову часто приходилось „читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ“. Такъ какъ его больше всего на свѣтѣ занимали книги, то 16-ти лѣтъ онъ покинулъ свою деревню и отца и отправился въ Москву, поступилъ въ славяно-греколатинскую академію, пробылъ въ ней пять лѣтъ и затѣмъ былъ командированъ за границу. Такъ, благодаря упорнымъ трудомъ и энергіи, онъ достигъ высшихъ степеней въ ученомъ и литературномъ мѣрѣ.

Не намъ съ церковной кафедры говорить объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ Ломоносова. Намъ пріятнѣе всего отмѣтить, что этотъ великій естествоиспытатель былъ послушнымъ сыномъ Церкви православной и не признавалъ противорѣчій между вѣрою и знаніемъ, между наукою и религіею. — Теперь весьма многіе обнаруживаютъ крайнюю односторонность въ пониманіи природы, усматривая въ ней только механическое сочетаніе мертвыхъ частицъ вещества безъ жизни и духа, безъ разума и цѣли. Естествоиспытатели большею частію изучаютъ природу, только какъ сторонніе наблюдатели, часто даже съ предвзятою научною цѣлію. нарим. для оправданія матеріализма или дарвинизма. Они не живутъ одною жизнію съ природою, ихъ сердца не чувствуютъ подъема духа, не испытываютъ восторговъ и радостей отъ тѣхъ явленій, которыя свидѣлствуютъ о величій Творца вселенной. У многихъ-ли теперь сердца устремляются ко Господу при созерцаніи такихъ явленій природы, какъ восходъ и заходъ солнца, какъ величіе звѣздной ночи, какъ весенняя свѣжесть и юная красота цвѣтущихъ луговъ и полей? Самые успѣхи наукъ и искусствъ говорятъ человѣку лишь о силѣ и могуществѣ его разума, и этотъ разумъ, въ гордомъ самообольщеніи, кромѣ себя самого уже не хочетъ признавать никакой высшей, господствующей надъ міромъ, силы.

Не такъ относился къ природѣ поминаемый нынѣ нашъ первый ученый естествоиспытатель, рабъ Божій Михаилъ. Умъ его не былъ предубѣжденъ превратными научными взглядами. При созерцаніи дивной красоты природы, ея неизрѣченной, предуставленной Богомъ гармоніи, онъ умомъ своимъ восходилъ къ Творцу міра; чрезъ разсматриваніе и изученіе природы онъ видѣлъ вѣчную *силу Его и Божество* (Рим. 1, 20) и преклонялся предъ всемогущимъ Виновникомъ вселенной, сотворившимъ все премудростію Своею. По словамъ Ломоносова, „представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благовѣиною любовію почитаетъ Создательву безконечную премудрость и силу“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „чѣмъ глубже до самыхъ причинъ тѣхъ чудныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показы-

вается непостижимый всего бытія Строитель. Его могущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ“.

И вотъ когда такой человѣкъ, въ своемъ „Вечернемъ размышленіи о Божіемъ велиествѣ“, взоромъ своимъ проникаетъ въ безпредѣльную глубь звѣзднаго неба; когда мыслию своею пытается обнять, хоть въ незначительной мѣрѣ, эти миллионы міровъ, которые кажутся намъ блестящими точками; когда сознаетъ себя безконечно малою частію этой безпредѣльной вселенной: тогда въ душѣ его во всемъ величійи выступаетъ дѣйствительная безконечность Божества, оставившаго тѣ дивные законы, по которымъ совершаютъ свои пути миллионы міровъ, и сильнѣе тогда чувствуется ничтожество человѣка:

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мыслями утомленъ!

.....

Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Такъ все въ природѣ, начиная отъ самой незначительной былинки, отъ едва замѣтнаго насѣкомаго и кончая необъятными мірами свѣтилъ небесныхъ,—всѣ предметы и явленія для вѣрующаго ума и благоговѣйнаго сердца раба Божія Михаила говорили о всемогущемъ и премудромъ Творцѣ вселенной, о всеблагомъ Промыслителѣ міра. Поистинѣ, для него—небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь!

Съ благодарностію вспоминая нынѣ объ этомъ славномъ сынѣ нашего отечества, будемъ молить Господа, да упокоитъ Онъ душу раба Своего Михаила вмѣстѣ со всеми святыми въ тѣхъ надзвѣздныхъ мірахъ, куда при жизни онъ неудержимо стремился проникнуть своимъ пытливымъ умомъ!

Священникъ Павелъ Чистосердовъ.

